

Посвящается моей матери – Нэнси Спрингер

*Лондон,
Ист-Энд
После наступления темноты
Август 1888*

Улицу освещало лишь неможное мерцание газовых фонарей и огня под котелками, подвешенными над мощенной булыжником мостовой возле таверн — там старые продавцы варили устриц. Неизвестная в черных одеждах скользила из тени в тень, никому не попадаясь на глаза, словно и сама была тенью. В тех слоях общества, откуда она вышла, немислимо было представить себе девушку, разгуливающую по городу в одиночку, без сопровождения мужа, отца или брата. Однако она была готова на все, лишь бы найти ту, кого потеряла.

Круглыми глазами, скрытыми черной вуалью, она смотрела вокруг, вглядывалась в темные улочки, цеплялась за каждую деталь. Она замечала битое стекло на покры-

том трещинами тротуаре. Нагловатых крыс, которые суетились под ногами, и их омерзительные голые хвосты. Босых оборванцев, бегающих среди битого стекла и крыс. Парочки, идущие рука в руке: рабочих в красных фланелевых жилетах и их дам в дешевых соломенных шляпках. Привалившихся к стенам нищих — пьяных, спящих или, возможно, даже мертвых — и снующих по ним крыс.

Незнакомка в черном не только наблюдала за прохожими, но и внимательно прислушивалась к звукам ночи. В пропитанном сажей воздухе звенела пьяная колесная лира. Маленькая девочка кричала у дверей паба:

— Папа! Па?

Повсюду раздавались крики, смех, вопли пьяниц и восклицания уличных торговцев:

— Устрицы! Макайте в уксус, глотайте целиком! Хорошие, толстые устрицы, четыре штуки за пенни!

В нос ей били запахи уксуса, джина, вареной капусты, горячих колбасок, соленой воды с ближайшей пристани и застоявшихся вод Темзы, гнилой рыбы, сырости и канализации.

ЭНОЛА ХОЛМС И МАРКИЗ В МЫШЕЛОВКЕ

Она ускорила шаг. Ей нельзя подолгу задерживаться на одном месте, ведь она не только охотница, но еще и добыча. В то время как она ведет поиски, ее тоже ищут. Поэтому надо уйти как можно дальше, туда, где преследователи не смогут ее найти.

Под светом фонаря в дверном проеме стояла дама с накрашенными губами и смазанными тенями. К ней подъехал двухколесный экипаж, и из него вышел джентльмен во фраке и блестящем шелковом цилиндре. Дама была в вечернем платье с глубоким вырезом, которое явно раньше принадлежало леди из высшего общества, но наблюдательница в черном сомневалась, что джентльмен приехал сюда на танцы. Как бы широко ни улыбалась жрица любви, во взгляде ее изможденных глаз читался неизменный страх. Недавно совсем неподалеку отсюда одну падшую женщину нашли мертвой и с глубокими порезами. Незнакомка в черном отвела взгляд и прошла мимо.

Небритый господин, прислонившийся к стене, игриво ей подмигнул.

— Не скучаешь одна, подруга? Хошь, составлю те компанию?

Ни один уважающий себя джентльмен не окликнул бы девушку, которой даже не был представлен. Она прошла мимо, стараясь не обращать на него внимания. Ей нельзя ни с кем заговаривать. Она здесь чужая. И расстраиваться тут не из-за чего: она никогда никуда не вписывалась и потому везде чувствовала себя одинокой. И все же сердце у нее ныло, когда девушка в черном вглядывалась в мрачные тени — ведь родной дом остался позади, и она чувствовала себя посторонней в самом большом городе на свете и не знала, где ей переждать ночь.

Если, Господь милостив, она доживет до рассвета, останется лишь надеяться, что ей удастся найти близкого человека, на поиски которого она отправилась.

Неизвестная в черном уходила все дальше и дальше, в самое черное сердце лондонских трущоб у причала, не замедляя шаг. Одна.

Глава первая

ХОТЕЛОСЬ БЫ ЗНАТЬ, ПОЧЕМУ МАМА ВЫБРАЛА для меня имя Энола, значение которого — «одна, одинокая»¹. Ей всегда нравились — а может, нравятся и до сих пор — загадки, и она, вероятно, что-то хотела этим сказать или предсказать, хотя тогда папа был еще жив.

Чуть ли не каждый день при любом удобном случае она замечала:

— Ты и одна прекрасно справишься, Энола.

С этими словами она беспечно уходила гулять в поле, захватив с собой альбом,

---

¹ Англ. Alone. Имя героини по-английски пишется Enola.

кисти и акварельные краски. И на мой четырнадцатый день рождения она действительно оставила меня одну — тем июльским вечером она не вернулась домой, в Фернделл-холл.

Сначала меня это не особенно встревожило, и я спокойно отправилась праздновать вместе с дворецким Лэйном и его женой, кухаркой. Мы с мамой всегда сердечно здоровались при встрече, но не интересовались заботами друг друга. Я предположила, что у нее возникли срочные дела и она поручила миссис Лэйн передать мне несколько свертков за ужином.

Вот список подарков от мамы:

- набор для рисования: бумага, графитовые карандаши, перочинный ножик для заточки, индийская стирательная резинка — все аккуратно уложено в плоскую деревянную коробку, которая на поверку оказалась раскладным мольбертом;
- увесистый том под названием «Тайный язык цветов, а также вееров, носо-

ЭНОЛА ХОЛМС И МАРКИЗ В МЫШЕЛОВКЕ

вых платков, сургучных печатей и марок»;

• тонкая брошюра с шифрами.

Мама всегда поощряла мой интерес к рисованию, хотя особым талантом я не обладала. Она знала, что мне нравится делать карандашные наброски и читать книги на любую тематику, но вот к шифрам я интереса не испытывала. Однако эту брошюрку она явно сделала своими руками: сама сложила листы, сшила их вместе и украсила изящными акварельными бутонами.

Очевидно, мама долго ее мастерила. «Значит, я ей небезразлична» — эти слова я повторила про себя несколько раз за вечер, стараясь саму себя в этом убедить.

Я понятия не имела, куда она ушла, но не сомневалась, что рано или поздно мама вернется домой или хотя бы пришлет записку. Спать я легла со спокойной душой.

Следующим утром на мой вопрос мистер Лэйн покачал головой. Нет, хозяйка не вернулась. Нет, никаких писем от нее не было.

Пасмурное небо и ливень за окном полнотью отвечали моему настроению, а оно ухудшалось с каждой минутой.

После завтрака я ушла к себе в комнату, в свое чудесное укрытие, где шкаф для одежды, туалетный столик, комод и все остальное было выкрашено в голубой и розовый цвета с узором из букетиков по краям. Такую простую и дешевую мебель называли «деревенской» и ставили только в детских, а мне она очень нравилась. Обычно.

Не сегодня.

Я больше не могла оставаться в доме; я не находила себе места и присела лишь затем, чтобы натянуть галоши поверх сапожек. А поверх рубашки и бриджей — удобной одежды, которая осталась мне от старших братьев, — накинула непромокаемый плащ. В таком резиновом виде я с топотом спустилась на первый этаж и взяла зонт с подставки в прихожей. На улицу я вышла через кухню, бросив миссис Лэйн на прощание:

— Я пойду прогуляюсь.

Забавно; чуть ли не каждый день я говорила ей одно и то же, сама не зная, зачем

ЭНОЛА ХОЛМС И МАРКИЗ В МЫШЕЛОВКЕ

и куда иду и что надеюсь найти. Я залезала на деревья, выискивала там желто-коричневые ракушки улиток, орехи, птичьи гнезда. В гнезде сороки я высматривала пуговицы от сапожек, блестящие ленты, чужие потерянные сережки. И делала вид, будто ищу нечто ценное...

На этот раз притворяться не приходилось.

Миссис Лэйн тоже поняла, что это не обычная прогулка. Она всегда спрашивала: «А где ваша шляпа, мисс Энола?» — потому что я не носила шляпы. А в то утро кухарка промолчала.

Я отправилась на поиски матери.

И всерьез полагала, что сумею ее отыскать.

Когда за мной закрылась дверь кухни, я принялась рыскать по двору, словно бигль на охоте. Вчера в честь дня рождения мне разрешили понежиться утром в постели, и я не застала маму до того, как она ушла. Но ей всегда нравилось гулять в поле и часами рисовать растения и цветы, а значит, в первую очередь надо было проверить территорию поместья.